

Особенности моральных оснований у монгольских, немецких и российских подростков

О.А. Сычев*,

Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина,
г. Бийск, Россия,
osn1@mail.ru

А.М. Беспалов**,

Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина,
г. Бийск, Россия,
bam56@mail.ru

М.М. Прудникова***,

Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина,
г. Бийск, Россия,
mimosa.95@mail.ru

М.С. Власов****,

Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина,
г. Бийск, Россия,
vlasov_mikhailo@mail.ru

Известно, что взрослые люди, проживающие в западных и восточных странах, демонстрируют предсказуемые различия в моральных основаниях, однако данных о подобных различиях у подростков недостаточно. В нашем исследовании была проверена гипотеза о наличии особенностей моральных оснований у подростков, проживающих в Монголии, России и Германии. В качестве теоретической основы исследования использовалась теория моральных оснований, в рамках которой были описаны пять наиболее существенных измерений морального домена, включая заботу/вред, справедливость/взаимность, лояльность/коллективизм, уважение/власть и чистоту/святость. Выборку нашего исследования составили 446 монгольских, 450 российских и 117 немецких подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Для диагностики использовались три версии методики Moral Foundations Questionnaire (MFQ) на разных языках. Результаты статистического анализа показали, что, несмотря на проблемы с воспроизведением факторной структуры методики MFQ, обобщенный анализ показателей по шкалам является допустимым. Обнаружено, что наиболее традиционные моральные основания присущи монгольским подросткам. Близкие особенности моральных оснований характерны для российских подростков, проживающих в республике Алтай, в то время как немецкие подростки демонстрируют существенно отличающиеся, типичные для западных обществ индивидуалистические моральные основания.

Ключевые слова: моральные основания, опросник моральных оснований, этнопсихологические особенности, подростки.

Для цитаты:

Сычев О.А., Беспалов А.М., Прудникова М.М., Власов М.С. Особенности моральных оснований у монгольских, немецких и российских подростков // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 1. С. 85–96. doi:10.17759/chp.2016120109

* *Сычев Олег Анатольевич*, кандидат психологических наук, доцент, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия. E-mail: *osn1@mail.ru*

** *Беспалов Александр Михайлович*, кандидат философских наук, проректор по учебной работе, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия. E-mail: *bam56@mail.ru*

*** *Прудникова Марина Михайловна*, социолог, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия. E-mail: *mimosa.95@mail.ru*

**** *Власов Михаил Сергеевич*, кандидат филологических наук, доцент, начальник научно-исследовательского отдела, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия. E-mail: *vlasov_mikhailo@mail.ru*

Процессы глобализации, протекающие в последние десятилетия в экономической и политической сферах, затрагивают многие народы и страны, постепенно меняя традиционный жизненный уклад. Несмотря на необратимость и силу этих процессов, еще недавно заставлявших предполагать, что в ближайшее время многие национальные различия будут стерты и мир превратится в одну «глобальную деревню», на самом деле с ростом взаимодействия разных народов все более очевидными становятся принципиальные различия в их менталитете. Национальные и культурные особенности ментальности в современном мире не только не стираются, но и напротив, как будто приобретают больший вес, зачастую превращаясь в препятствие для взаимопонимания и повод для конфликтов. В этой связи растет актуальность исследования истоков подобных различий, которые могут скрываться в области ценностей и моральных норм.

Хотя вопросы морали и нравственности привлекали к себе внимание мыслителей с древности, эмпирические исследования в этой области начались сравнительно недавно — лишь со второй половины двадцатого столетия. Наиболее влиятельным направлением в этой области до настоящего времени остается концепция стадий морального развития Л. Кольберга [14], базирующаяся на теории когнитивного развития Ж. Пиаже. Выводы из исследований Л. Кольберга были основаны на данных, полученных в ходе решения моральных дилемм, сконструированных, исходя из типичных для западноевропейской культуры представлений о морали. Моральное развитие представало в этом случае как последовательное усложнение когнитивных структур, регулирующих моральное поведение, которое в итоге приводит к становлению универсальных, но достаточно гибких (постконвенциональных) этических принципов, основанных на норме справедливости. Моральные дилеммы, применявшиеся в таких исследованиях, обычно касались лишь отношений между индивидами, не затрагивая сложных вопросов отношений человека и общества, поэтому содержание моральной сферы оказывалось ограниченным вопросами справедливости и уважения прав.

Продолжением подобной традиции понимания морали стала концепция доменов социального знания Э. Туриэля, в которой содержание морального домена также ограничивается вопросами справедливости, прав и благополучия окружающих [18]. Социально-заданные нормы, регулирующие отношения человека с его сообществом и предназначенные для поддержания иерархии и порядка (например, уважение старших и пр.), были вынесены из моральной сферы в область конвенционального знания. Подобное разделение моральных и конвенциональных норм вызывает возражения ввиду того, что данное разделение очевидно лишь для представителей современной западной культуры, в то время как представители традиционных культур многие нормы, отнесенные Э. Туриэлем к числу конвенциональных, определяют как моральные [15].

Критикуя ограниченность рационалистических взглядов на мораль, К. Гиллиган с учетом женского взгляда на моральные проблемы предложила в качестве еще одного (наряду со справедливостью) измерения морали заботу и ответственность за других людей [8]. Согласно ее мнению, основанному на обобщении многочисленных интервью, главным моральным императивом для женщин, отражающим принципиальное отличие «женской этики», является забота о других людях и ответственность. Стимулированные этими идеями исследования привели к выводу о том, что заботу и справедливость необходимо рассматривать как независимые и общие для всех моральные ориентации, хотя, действительно, для мужчин несколько большее значение имеет соблюдение прав и справедливость, в то время как для женщин — забота и ответственность [12]. Идеи К. Гиллиган не только способствовали расширению представлений о содержании морального домена, но и привлекли больше внимания к связи морали и эмоций, поскольку эмпатическая ориентация на потребности и чувства другого человека в этой концепции рассматривалась в качестве одной из основ моральной регуляции поведения.

Растущее понимание воздействия культурных и ценностных факторов на социальное познание вместе с накоплением новых фактических данных в конце XX в. привело к стремлению преодолеть ограниченность устоявшихся в западной науке представлений о морали. В результате были предприняты попытки начать обсуждение природы морали не с условных определений, унаследованных из философии морали, а с полевых исследований и анализа фактов, связанных с нравственной регуляцией поведения в разных культурах. При этом на смену дифференциации моральных и конвенциональных норм пришло понимание необходимости рассматривать в качестве моральных понятий и принципов те, что относят к области морали их носители. Подобный подход приводит к иному определению содержания морального домена, с включением в него понятий, выходящих за пределы категорий справедливости и заботы, но охватывающих важные для многих традиционных культур представления относительно взаимоотношений человека и общества, а также человека и Бога.

Одной из концепций такого рода, привлекающей в настоящее время большое внимание, стала теория моральных оснований [15; 16]. Мораль здесь рассматривается как система способов и критериев оценки действий в качестве правильных или неправильных. В работах авторов этой теории Дж. Хайдта, Дж. Грэхема и их коллег на основе теоретического анализа и эмпирических исследований было показано, что область морали можно упорядочить, выделив несколько моральных оснований: вред/заботу, справедливость/взаимность, коллективизм/лояльность, власть/уважение и чистоту/святость [16]. Авторы данного подхода не считают этот список завершаемым, поскольку применявшиеся для отбора моральных оснований критерии слишком сложны для окончательного решения этой проблемы. Для включения

в этот список новых моральных оснований необходимо соответствие следующим критериям: наличие адаптивных преимуществ с эволюционной точки зрения, наличие свидетельств в пользу врожденных основ и автоматическая (интуитивная) эмоциональная оценка, всеобщая распространенность и культурная универсальность [16].

Поскольку предпосылки морали, по всей видимости, складывались в процессе эволюционного развития, то вполне обоснованным выглядит требование наличия врожденных основ и адаптивных преимуществ у каждого из моральных оснований. Авторы теории подчеркивают, что они стремятся интегрировать эволюционные и культурные объяснения морального поведения человека, так что признание врожденных, заложенных в человеческую природу основ для развития морального сознания является принципиальным. Необходимо отметить, что в исследованиях на животных в последние годы было накоплено множество фактов об их просоциальном поведении, раскрывающих эволюционные основы морали, однако их подробное обсуждение выходит за пределы темы данной статьи [см., например: 2].

Критерий интуитивизма означает, что при оценивании поступка или явления по моральному основанию первичная интуитивная оценка предшествует вторичным моральным суждениям. Интуитивизм, связанный с отрицанием ведущей роли сознательных процессов и переносом акцента в сторону интуитивных и эмоциональных механизмов моральной регуляции, является одним из важнейших отличий данной теории от рационалистического подхода к морали. Имеется немало эмпирических данных, свидетельствующих в пользу того, что моральные оценки осуществляются именно на интуитивном уровне, без развернутого сознательного рассуждения, возникающих уже после принятия решения с целью его обоснования [9]. При этом вторичные моральные рассуждения выполняют социальную функцию, связанную с обоснованием для других людей вынесенных оценок и принятых решений. Разделение первичного, интуитивного, и вторичного, сознательного, уровней в моральной регуляции перекликается с идеями Л.С. Выготского о низших и высших психических функциях [1], однако в концепции Дж. Хайда не идет речь о том, что вторичные процессы подчиняют себе первичные.

Интуитивная оценка в ходе решения нравственных проблем тесно связана с эмоциональными основами нравственной регуляции. В этом контексте наиболее существенное значение приобретает такая эмоция, как отвращение. Хотя приспособительная функция отвращения, сложившаяся в ходе эволюции, связана с регуляцией пищевого поведения, эта же эмоция у современного человека участвует в реализации социального осуждения и отвержения. Об этом свидетельствуют, например, данные о том, что в разных культурах люди демонстрируют одинаковое выражение лица как при столкновении с ситуациями, вызывающими физиологическое отвращение, так и с социальными ситуациями, вызывающими моральное

осуждение (такими как предательство, лицемерие и т. д.). О связи отвращения и нравственной регуляции также говорят результаты экспериментальных исследований, в которых спровоцированное экспериментатором чувство отвращения вызывало смещение в нравственных оценках различных ситуаций в сторону большего осуждения [6]. Наконец, в личной и общественной жизни мы регулярно сталкиваемся с тем, что в качестве одного из аргументов для нравственного осуждения используется упоминание об «отвратительности» тех или иных действий. Несмотря на важную роль отвращения, необходимо учитывать, что им не исчерпываются эмоциональные факторы моральной регуляции, которые, по-видимому, охватывают целый ряд других, как отрицательных (гнев, презрение, вина, стыд), так и положительных (сочувствие) эмоций [7; 11].

Помимо распространенности и культурной универсальности, являющихся очевидными критериями для отбора моральных оснований, в рассматриваемой концепции учитываются и культурные факторы. Большое внимание здесь уделяется тому факту, что разнообразие проявлений морали в различных сообществах определяется их культурой, но за наблюдаемыми различиями на более глубоком уровне можно усмотреть принципиальное единство моральных устоев.

Хотя моральные основания считаются универсальными, в то же время признается, что для разных людей и различных социальных групп относительная значимость этих моральных устоев различается. В частности, исследования в США показывают, что лица, придерживающиеся либеральных (демократических) политических убеждений наибольшее значение придают таким моральным основаниям, как забота и справедливость, в то время как три другие моральные основания для них имеют меньшее значение. Лица с консервативными политическими взглядами придают одинаково большое значение всем пяти моральным основаниям. Аналогичные особенности обнаружены также при сравнении моральных оснований между странами, принадлежащими к западной цивилизации (США, Канада, страны Западной Европы), и странами с более традиционными культурами Востока (Южной и Восточной Азии), а также между представителями разных социальных классов. Обобщая различные данные подобного рода, авторы данной теории делают вывод о более сложном, комплексном характере традиционных, консервативных моральных убеждений, в отличие от более простой структуры моральной сферы современных, либерально-ориентированных сообществ, где акцент делается лишь на двух моральных основаниях — заботе и справедливости [15].

Свойственная различным этническим и социальным группам разная значимость моральных оснований может приобретать принципиальное значение при столкновении с неоднозначными ситуациями, получающими разные моральные оценки. Ярким примером подобных противоречий из современной общественной жизни является различная оценка го-

мосексуальных отношений. В случае доминирования либеральных, индивидуалистических моральных оснований они могут рассматриваться как вполне приемлемые (поскольку участники таких отношений не причиняют никому вреда и приносят пользу друг другу). Однако при опоре на консервативные, традиционные основания такие отношения получают моральное осуждение (ввиду несоответствия авторитетным религиозным нормам или отвратительности для окружающих, нарушения принципа нравственной чистоты). Таким образом, учет моральных оснований может помочь в объяснении особенностей политических предпочтений и отношения к спорным социальным вопросам, а также в понимании других культурных и социальных различий.

Для диагностики моральных оснований Дж. Грэхем с коллегами разработали соответствующий опросник (Moral Foundations Questionnaire, MFQ) [15]. В ходе целого ряда исследований была показана умеренная надежность шкал методики и неплохое соответствие факторной структуры положенным в его основу теоретическим представлениям. Вместе с тем, учитывая невысокие значения коэффициентов надежности (некоторые из которых лежат ниже 0,7), можно сделать вывод о том, что психометрические характеристики методики являются удовлетворительными и необходима дальнейшая работа по ее совершенствованию. К настоящему времени он переведен на множество языков (хотя данных об адаптации для большинства из этих версий недостаточно) и был апробирован в различных этнических, социальных и возрастных группах. Нам удалось обнаружить единственное исследование с использованием данной методики на выборке подростков из США и Германии в возрасте 12–14 лет [13]. Результаты указанного исследования свидетельствуют о приемлемой надежности методики в этой выборке, подтверждая возможность ее применения для данной возрастной группы.

К подростковому возрасту, в соответствии с концепцией Л. Кольберга, завершается развитие в рамках конвенционального уровня и появляется возможность перехода на постконвенциональный уровень. Большинство нормально развивающихся подростков достигают конвенционального уровня, так что содержание их моральных представлений и норм должно достаточно полно отражать требования их обществ. Хотя известно, что взрослые люди, проживающие в странах, принадлежащих к западной и восточной культурам, демонстрируют предсказуемые различия в моральных основаниях, данных о подобных различиях у подростков недостаточно [15]. С учетом культурных особенностей соответствующих стран была выдвинута гипотеза о том, что монгольские подростки придерживаются более традиционных и консервативных моральных оснований, чем подростки, проживающие на территории близлежащего российского региона (республики Алтай) и немецкие подростки.

Метод

Респонденты. Выборку исследования составили 1013 подростков в возрасте 12–16 лет. Среди них было 446 (44%) подростков из Монголии, проживающих в а.¹ Ховд и а. Баян-Ульгий, 450 (44%) российских подростков, проживающих в г. Горно-Алтайске и п. Кош-Агач республики Алтай и 117 (12%) немецких подростков, проживающих в городах земли Северный Рейн-Вестфалия Западной Германии. Во всех выборках была обеспечена приблизительно равная представленность юношей и девушек: доля юношей в разных выборках колеблется в пределах от 40% до 52%.

Необходимо отметить, что среди подростков, проживающих в а. Ховд преобладают этнические монголы, а среди подростков из а. Баян-Ульгий — казахи. Между ними существуют значительные культурные и религиозные различия: большинство монголов принадлежат к буддизму (около 53% населения), существенная их часть также придерживаются атеистических взглядов, в то время как большинство проживающих в а. Баян-Ульгий казахов исповедуют суннитский ислам. Религиозные и культурные различия могут проявляться, в том числе, и в сфере моральных оснований, так что в нашем исследовании учитывалась не только страна, но и регион проживания подростков. Среди российских подростков, участвовавших в исследовании, преобладают представители национальных меньшинств (алтайцы и казахи), проживающие на территории сопредельного с Монголией региона России — Республике Алтай, причем в г. Горно-Алтайске проживают преимущественно алтайцы, а в п. Кош-Агач — казахи. Очевидно, что выводы, полученные на этих выборках, не могут быть распространены на генеральную совокупность всех подростков России, однако они вполне репрезентативны для Республики Алтай.

Методика. Для диагностики моральных оснований нами использовался русскоязычный и немецкоязычный варианты опросника моральных оснований (MFQ), расположенные на сайте авторов методики (moralfoundations.org), а также версия на монгольском языке, которая была подготовлена для этого исследования высококвалифицированным переводчиком на основе англоязычной и русскоязычной версий. Методика состоит из 32 заданий (два из них используются для оценки достоверности ответов), образующих две части и пять первичных шкал: заботы, справедливости, лояльности группе, уважения и чистоты.

В первой части испытуемые оценивают каждый из 15 пунктов с точки зрения их релевантности для моральной оценки события или поступка. В частности, в соответствии с инструкцией: «Когда Вы решаете, что правильно, а что неправильно, какое значение имеют для Вас следующие соображения?» испытуемые должны оценить такие утверждения как: «страдал ли кто-то эмоционально» (шкала заботы) или «проявлял ли кто-то своими действиями любовь к своей стране» (шкала лояльности) и т. д. Во второй части методики

¹ а. — сокращение от «аймак» (единица территориального деления в Монголии).

испытуемые оценивают свое согласие с утверждениями, воплощающими ту или иную моральную ценность, например: «уважение к авторитету — это то, чему должны учиться все дети» (шкала уважения); «люди не должны делать отвратительные вещи, даже если они не приносят никому вреда» (шкала чистоты). Наряду с показателями по первичным шкалам может быть вычислен также общий показатель — коэффициент прогрессивизма (авторы подчеркивают, что термин «прогрессивизм» здесь используется условно и его ни в коем случае не следует понимать в оценочном смысле). Для вычисления этого коэффициента от среднего значения по первым двум шкалам (заботы и справедливости) отнимается среднее значение по трем оставшимся шкалам (лояльности, уважения и чистоты). Его величина отражает соотношение моральных оснований, характерных для индивидуалистических обществ западного типа, и традиционных, консервативных моральных оснований, в большей мере присущих коллективистическим сообществам. Коэффициент может принимать значения от -5 до +5 (отрицательные значения говорят о доминировании традиционных оснований, в то время как положительные свидетельствуют о преобладании индивидуалистических моральных оснований). Количественный анализ результатов диагностики проводился в программах Statistica 10 и Mplus 7.2.

Результаты и их обсуждение

С целью оценки достоверности полученных результатов в ходе статистической обработки были подсчитаны показатели надежности по внутренней согласованности (альфа Кронбаха) для каждой шкалы во всех версиях методики (табл. 1). Низкие значения коэффициентов, не превышающие 0,70, свидетельствуют об относительно невысокой надежности отдельных шкал. В разных выборках величина коэффициентов довольно существенно различает-

ся: наилучшие показатели были получены в выборке монгольских подростков, тогда как в российской и немецкой выборках надежность шкал оказалась существенно ниже. Недостаточно надежные результаты по отдельным шкалам могут быть следствием целого ряда возможных причин. Во-первых, несмотря на использование в двух выборках (российской и немецкой) версий методики с официального сайта группы по исследованию моральных оснований, нет уверенности в кросс-культурной эквивалентности текста ввиду отсутствия публикаций по этой проблеме. Во-вторых, невысокая надежность может быть связана с возрастными трудностями понимания заданий подростками и недостаточной сформированностью их моральных убеждений. В-третьих, необходимо учитывать тот факт, что в российской выборке исследование проводилось с подростками алтайской и казахской национальности, а в немецкой — небольшую часть выборки составили выходцы из среды мигрантов. Вероятно, что в этих группах знание языка, на котором проводилось тестирование (русского и немецкого соответственно) могло оказаться не вполне достаточным для адекватного понимания некоторых из предложенных заданий. Вместе с тем, необходимо отметить, что показатели надежности оригинальной версии по некоторым шкалам также невысоки (они располагаются в пределах 0,65–0,84 для разных шкал [15]). Таким образом, принимая во внимание низкие показатели надежности отдельных шкал, необходимо с осторожностью относиться к выводам, полученным на основе их анализа.

Для оценки факторной структуры методики по данным, полученным в монгольской и российской выборках, был выполнен эксплораторный факторный анализ с последующим вращением варимакс (в немецкой выборке он не проводился ввиду недостаточного объема). При факторизации всех 30 заданий по критерию осыпи в каждой из выборок было выделено два фактора, один из которых охватывал только задания первой части, а второй фактор — толь-

Таблица 1

Описательная статистика и показатели надежности шкал MFQ в разных выборках

Шкала	Монгольская выборка (N = 446)			Российская выборка (N = 450)			Немецкая выборка (N = 117)		
	Альфа	Среднее	Стандартное отклонение	Альфа	Среднее	Стандартное отклонение	Альфа	Среднее	Стандартное отклонение
Забота	0,66	3,02	1,03	0,58	3,25	0,89	0,52	3,61	0,83
Справедливость	0,63	3,10	0,97	0,51	3,18	0,83	0,64	3,60	0,89
Лояльность	0,59	3,12	0,92	0,44	3,27	0,80	0,46	2,81	0,79
Уважение	0,54	2,96	0,93	0,46	3,01	0,86	0,49	2,77	0,78
Чистота	0,57	3,14	0,96	0,56	3,12	0,91	0,45	2,23	0,90

Примечание: общие показатели по шкалам были вычислены как средние по всем входящим в шкалу заданиям, их возможные значения лежат в пределах от 0 до 5.

ко задания из второй части. Это значит, что и в монгольской, и в российской версии методики наиболее существенным фактором, определяющим структуру методики, оказалась принадлежность заданий к первой или второй части. При факторизации каждой из частей методики в каждой из выборок наилучшим по критерию осыпи оказалось однофакторное решение (в отличие от данных авторов методики, которыми было получено двухфакторное решение с факторами индивидуалистических и традиционных оснований [15]). Следовательно, более убедительным представляется вывод о двухфакторной структуре методики, в которой каждая часть образует один фактор.

Далее с целью проверки различных гипотез о структуре методики был выполнен конфирматорный факторный анализ (КФА), позволяющий оценить соответствие различных теоретических моделей структуры имеющимся эмпирическим данным. В качестве теоретических моделей, которые подвергались оценке, использовались следующие три:

- 1) модель с одним общим фактором, включающим в себя все 30 заданий методики;
- 2) модель с пятью коррелирующими факторами, соответствующими шкалам (по ключу);
- 3) модель с двумя коррелирующими факторами, которые соответствуют первой и второй частям методики.

Результаты оценки соответствия моделей эмпирическим данным в разных выборках приведены в табл. 2 (в немецкой выборке анализ не проводился ввиду недостаточного объема).

Хотя все рассмотренные модели демонстрируют не вполне удовлетворительные значения показателей

соответствия, наиболее приемлемо выглядит модель с двумя коррелирующими факторами, соответствующими двум частям методики. Именно эта модель демонстрирует наилучшие показатели как в монгольской, так и в российской выборках. Таким образом, результаты КФА также свидетельствуют о том, что выделение пяти шкал в структуре монгольской и российской версий методики носит условный характер и не подтверждается эмпирическими данными.

В связи с полученным выводом относительно структуры методики возникает вопрос о том, насколько обоснованным является использование общего показателя — коэффициента прогрессивизма. В основе этого показателя лежит тот факт, что индивидуалистические и традиционные основания, измеряемые разными заданиями и шкалами методики, находятся в определенных отношениях друг с другом, образуя противоположные полюса одной оси. Чтобы выяснить, сохраняется ли подобное соотношение в применявшихся нами версиях методики, было проведено неметрическое многомерное шкалирование показателей по пяти моральным основаниям в трех наших выборках и выборке из исследования авторов методики² [17]. Для вычисления расстояний в ходе многомерного шкалирования использовались коэффициенты корреляции Пирсона. Во всех выборках наилучшие характеристики показывает двумерная модель, для которой в российской выборке коэффициенты отчуждения и стресса составили менее 0,05, а в остальных трех выборках — не более 0,001. Эти значения коэффициентов свидетельствуют о том, что полученные решения достаточно точно и полно отражают соотношение моральных оснований [4]. В гра-

Таблица 2

Результаты конфирматорного факторного анализа разных версий опросника MFQ в монгольской и российской выборках

Модель	Характеристики модели			
	χ^2	df	CFI	RMSEA
<i>Монгольская выборка (N = 446)</i>				
1. Один общий фактор	1512,82	405	0,678	0,078
2. Пять коррелирующих факторов-шкал	1447,78	395	0,694	0,077
3. Два коррелирующих фактора-части методики	969,63	404	0,836	0,056
<i>Российская выборка (N = 450)</i>				
1. Один общий фактор	1944,53	405	0,539	0,092
2. Пять коррелирующих факторов-шкал	не сходится			
3. Два коррелирующих фактора-части методики	1060,17	404	0,804	0,060

Примечание: χ^2 — значение статистики; df — степени свободы модели; CFI — сравнительный индекс согласия модели (о хорошем соответствии свидетельствует значение не ниже 0,95); RMSEA — среднеквадратическая ошибка аппроксимации (о хорошем соответствии свидетельствует значение не более 0,05) [10].

² Из работы С. Колевой с соавт. была использована матрица интеркорреляций (N = 10222), на основе которой нами было выполнено многомерное шкалирование [17].

фической форме полученные двумерные конфигурации представлены на рис. 1.

Как видно из представленных результатов многомерного шкалирования, во всех четырех выборках горизонтальная ось в двумерной конфигурации задана противопоставлением индивидуалистических моральных оснований (заботы и справедливости) на одном полюсе и традиционных моральных оснований (лояльности, уважения и чистоты) — на другом полюсе. Наиболее ярко это противопоставление проявляется в результатах, полученных на англоязычной выборке С. Колевой и др. (рис. 1 Г). Несмотря на наличие некоторых частных различий в конфигурациях моральных оснований во всех выборках отчетливо прослеживается общая тен-

денция: левый полюс горизонтальной оси определяется индивидуалистическими моральными основаниями, а правый — традиционными. Этот факт означает, что существует неслучайная упорядоченность моральных оснований, которая остается постоянной в различных культурах и странах. Следовательно, использование коэффициента прогрессивизма является оправданным и подкрепляется результатами анализа данных.

С учетом полученных выводов о структуре методики и соотношении ее шкал далее был выполнен сравнительный анализ. Для сравнения моральных оснований у подростков из разных стран и населенных пунктов были вычислены средние показатели по шкалам методики MFQ, представленные в наглядном виде на рис. 2.

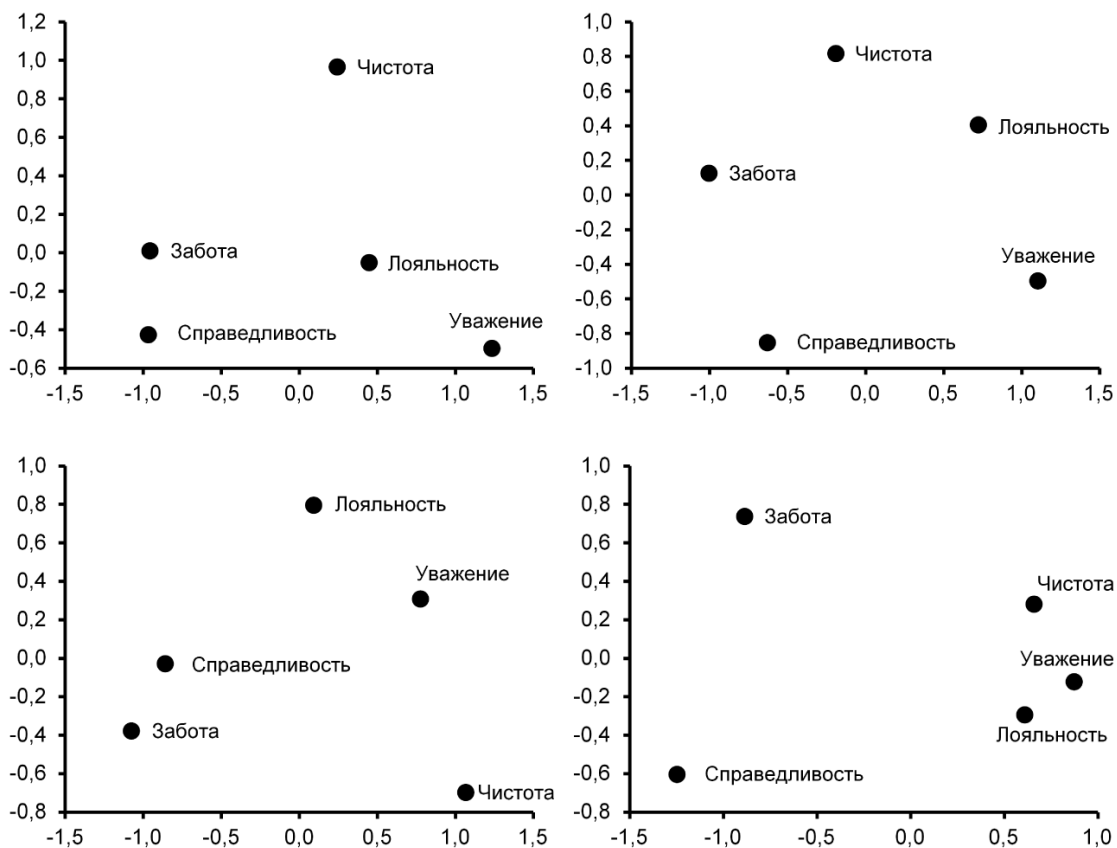

Рис. 1. Результаты многомерного шкалирования моральных оснований в различных выборках

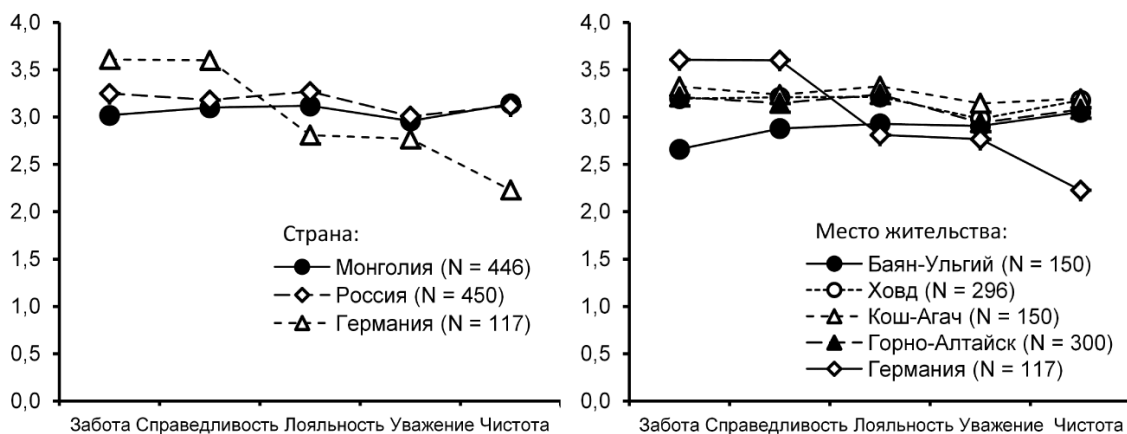

Рис. 2. Средние значения по шкалам моральных оснований у монгольских, немецких и российских подростков

Статистический анализ влияния факторов страны и населенного пункта на оценки моральных оснований и коэффициент прогрессивизма проводился с помощью непараметрического критерия Краскела–Уоллиса с последующим множественным сравнением групп между собой. В табл. 3 представлены результаты статистического анализа значимости различий между подростками из разных стран.

Как видно из результатов, приведенных на рис. 2 А и в табл. 3, наиболее существенные отличия в моральных основаниях демонстрируют подростки из Германии, которые по всем показателям кроме шкалы уважения отличаются как от монгольских, так и от российских подростков. При этом для немецких подростков существенно большее значение имеют такие моральные основания, как забота, справедливость и значимо меньшее — лояльность и моральная чистота. Оценка значимости уважения у немецких подростков существенно ниже, чем у российских подростков, в то время как от монгольской выборки значимых отличий по этому основанию не выявлено. Сравнивая моральные основания у подростков из Монголии и России, можно отметить, что для российских подростков характерна более высокая оценка заботы и лояльности при отсутствии различий по остальным основаниям.

Визуальный анализ целостной формы профиля средних значений по моральным основаниям приводит к заключению о том, что подростки из Германии демонстрируют типичный для западноевропейской либеральной морали профиль с доминированием первых двух оснований и существенным снижением последующих трех. В то же время подросткам из Монголии и России оказался свойствен типичный для традиционных культур профиль с приблизительно равной оценкой значимости всех пяти моральных

оснований. Эти выводы подтверждаются сравнением средних значений коэффициента прогрессивизма, величина которого в немецкой выборке (1,01) значительно превышает соответствующие значения в монгольской (-0,01) и российской (0,08) выборках. О весьма существенной величине этих различий свидетельствуют значения d Коэна³, которые составили 1,57 для немецкой и монгольской выборок и 1,52 — для немецкой и российской.

Чтобы учесть различия в национальности монгольских и российских подростков далее был выполнен аналогичный анализ по месту жительства (выборку немецких подростков по месту жительства не разделяли ввиду ее этнической однородности и небольшого объема). Результаты, представленные на рис. 2.Б и в табл. 4, свидетельствуют о том, что никаких значимых различий между российскими подростками алтайской (из г. Горно-Алтайск) и казахской национальности (из п. Кош-Агач) не выявлено. Подростки, проживающие в монгольском а. Ховд, также не показывают значимых отличий по моральным основаниям от российских подростков, проживающих в г. Горно-Алтайск и п. Кош-Агач.

В то же время от этих групп значимо отличаются по ряду шкал подростки из Германии и подростки казахской национальности из монгольского а. Баян-Ульгий. В частности, у подростков из а. Баян-Ульгий значимо меньше в сравнении с другими группами оценка по шкале заботы. Оценка лояльности у них также несколько ниже, чем у российских подростков и подростков из а. Ховд.

Немецкие подростки показывают более высокие оценки, чем другие группы по первым двум шкалам — заботе и справедливости. По шкале лояльности наименьшие средние значения, значимо отличающиеся от оценок других групп, показали подростки

Таблица 3

Результаты сравнения моральных оснований по странам с помощью критерия Краскела–Уоллиса

Шкала MFQ	Значение критерия Н (2, N= 1013)	p-уровень	Результаты множественных сравнений		
			Монголия	Россия	Германия
Забота	35,30	$p < 0,001$	a	b	c
Справедливость	27,23	$p < 0,001$	a	a	b
Лояльность	27,73	$p < 0,001$	a	b	c
Уважение	8,02	$p < 0,05$	ab	a	b
Чистота	76,71	$p < 0,001$	a	a	b
Прогрессивизм	141,63	$p < 0,001$	a	a	b

Примечание: латинские буквы, приведенные в правой части таблицы, отражают однородные группы. Идентичные буквы означают принадлежность к одной генеральной совокупности, разные буквы означают, что выборки относятся к разным совокупностям (т. е. показывают значимые различия). Обозначение «ab» означает, что выборка не показывает значимых отличий ни от совокупности а, ни от совокупности b.

³ d Коэна — показатель размера эффекта, отражающий величину различий средних в единицах общего стандартного отклонения. Принято считать, что величина d в пределах 0,2–0,3 отражает слабый эффект, около 0,5 — умеренный и от 0,8 до бесконечности — сильный эффект (в отличие от корреляций, значение d может превышать 1) [5].

Результаты сравнения моральных оснований по месту жительства с помощью критерия Краскела–Уоллиса

Шкала MFQ	Значение критерия Н (4, N= 1013)	p-уровень	Результаты множественных сравнений				
			Баян-Ульгий	Ховд	Кош-Агач	Горно-Алтайск	Германия
Забота	64,56	$p < 0,001$	a	b	bc	b	c
Справедливость	35,69	$p < 0,001$	a	a	a	a	b
Лояльность	39,1	$p < 0,001$	a	b	b	b	a
Уважение	14,96	$p < 0,01$	a	a	ba	a	ca
Чистота	80,05	$p < 0,001$	a	a	a	a	b
Прогрессивизм	155,79	$p < 0,001$	a	b	b	b	c

из Германии и а. Баян-Ульгий. По шкале уважения подростки из Германии также дали наименьшую оценку, однако статистически значимым является лишь отличие от подростков из п. Кош-Агач, имеющих по этой шкале наивысшее среднее. Особенно велики и статистически значимы отличия подростков из Германии от всех других групп по последнему основанию — моральной чистоте, при том что остальные группы между собой по нему не различаются.

Для анализа соотношения индивидуалистических и традиционных моральных оснований в разных выборках были вычислены средние коэффициенты прогрессивизма, которые составили (по убыванию величины): 1,01 — для подростков из Германии; 0,09 — для подростков из Горно-Алтайска; 0,08 — для подростков из а. Ховд; 0,06 — для подростков из Кош-Агача и -0,19 — для подростков из а. Баян-Ульгий. Результаты множественных сравнений по этому показателю свидетельствуют о том, что статистически значимо отличаются от других групп подростки из Германии (в большую сторону) и подростки из а. Баян-Ульгий (в меньшую сторону). Размер эффекта d Коэна для этих крайних групп составил 1,72, что свидетельствует о весьма значительной величине различий между ними.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что наиболее традиционные моральные основания присущи подросткам казахской национальности из а. Баян-Ульгий. Монгольские подростки из а. Ховд и российские подростки из республики Алтай демонстрируют довольно близкие моральные основания традиционного характера, которые, тем не менее, не столь консервативны, как у подростков из а. Баян-Ульгий. У немецких подростков, как и ожидалось, явно доминирующими оказались индивидуалистические моральные основания, более характерные для западноевропейской культуры. Выдвинутая гипотеза, в целом, подтвердилась, и можно говорить о том, что наиболее традиционные и консервативные моральные основания присущи подросткам из Монголии, однако это касается преимущественно подростков казахской националь-

сти из а. Баян-Ульгий. Несмотря на определенное сходство особенностей моральной сферы у подростков монгольской и казахской национальности, проживающих в разных аймаках Монголии, между ними имеются также довольно существенные отличия. Данный вывод хорошо согласуется с результатами других исследований ценностной сферы у монгольских подростков [3].

Выводы

Реализованная в данном исследовании попытка исследования моральных оснований у подростков с помощью опросника MFQ показала, что, несмотря на удовлетворительные психометрические характеристики англоязычной версии методики, переведенные на русский, немецкий и монгольский языки версии требуют тщательного анализа и доработки. Хотя в наших выборках не удалось воспроизвести факторную структуру методики, а надежность отдельных шкал оказалась не вполне удовлетворительной, их соотношение друг с другом в целом соответствует теоретическим предсказаниям и зарубежным данным. Этот факт оправдывает использование результатов диагностики с помощью MFQ для обобщенного анализа и сравнения моральных оснований.

Сравнительный анализ моральных оснований у монгольских, российских и немецких подростков показал, что подростки из Монголии придерживаются наиболее традиционных моральных оснований, в то время как у немецких подростков преобладают индивидуалистические моральные основания, типичные для современной западноевропейской культуры. Представляет интерес тот факт, что российские подростки, проживающие в Республике Алтай, по своим моральным основаниям оказались очень близки к подросткам из Монголии. При этом различий между российскими подростками алтайской и казахской национальности не обнаруживается.

Хотя моральные основания у монгольских подростков, проживающих в разных аймаках и принад-

лежащих к разным этническим группам (монголов и казахов), в целом довольно похожи, между ними есть также и некоторые различия. В частности, казахские подростки существенно меньше ценят заботу окружающих и лояльность группе. Для подростков казахской национальности (проживающих в а. Баян-Ульгий) оказался присущ более традиционный профиль моральных оснований, чем для подрост-

ков монгольский национальности (проживающих в а. Ховд). Этот факт предположительно можно объяснить религиозными и культурными различиями между данными этническими группами.

Все это позволяет говорить о том, что уже в подростковом возрасте отчетливо проявляются культурно обусловленные различия моральных оснований.

Финансирование

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и МинОКН Монголии (проект № 13-23-03003 «Динамика эволюционных процессов в области культуры, языка и физиологии монгольского и русского этносов на микропулационном уровне»). Авторы выражают признательность Б. Нямдоржу (Ховдский государственный университет, Монголия) за помощь в организации и проведении исследования.

Литература

1. *Выготский Л.С.* История развития высших психических функций // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики. М.: Педагогика, 1983. С. 5–328.
2. *де Вааль Ф.* Истоки морали: В поисках человеческого у приматов. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 376 с.
3. *Bepalov A.M., Nikitina I.V., Vlasov M.S., Prudnikova M.M., Odonchimeg T., Nyamdorj B.* Youth Value Orientation: A Field Study in Western Mongolia // *Central Asian Journal of Basic and Applied Research*. 2014. Vol. 2. P. 30–47.
4. *Borg I., Groenen P.J., Mair P.* Applied multidimensional scaling. Springer Science & Business Media, 2012. 122 p.
5. *Cohen J.* Statistical Power Analysis for the Behavioral Sciences. N. Y.: Lawrence Erlbaum Associates, 1988. 590 p.
6. Disgust as Embodied Moral Judgment / *S. Schnall, J. Haidt, G.L. Clore, A.H. Jordan* // *Personality & social psychology bulletin*. 2008. Vol. 34(8). P. 1096–1109. doi:10.1177/0146167208317771
7. *Eisenberg N.* Emotion, regulation, and moral development // *Annual review of psychology*. 2000. Vol. 51(1). P. 665–697. doi: 10.1146/annurev.psych.51.1.665
8. *Gilligan C.* In a different voice: Women's conceptions of self and of morality // *Harvard educational review*. 1977/ Vol. 47(4). P. 481–517. doi: 10.17763/haer.47.4.g6167429416hg5l0
9. *Haidt J.* The emotional dog and its rational tail: a social intuitionist approach to moral judgment // *Psychological review*. 2001. Vol. 108 (4). P. 814–834. doi: 10.1037/0033-295X.108.4.814
10. *Hu L., Bentler P.M.* Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives // *Structural equation modeling: a multidisciplinary journal*. 1999/ Vol. 6 (1). P. 1–55. doi: 10.1080/10705519909540118
11. *Hutcherson C.A., Gross J.J.* The moral emotions: A social-functional account of anger, disgust, and contempt // *Journal of personality and social psychology*. 2011. Vol. 100 (4). P. 719–737. doi: 10.1037/a0022408
12. *Jaffee S., Hyde J.S.* Gender differences in moral orientation: A meta-analysis // *Psychological Bulletin*. 2000. Vol. 126 (5). P. 703–726. doi: 10.1037/0033-2909.126.5.703
13. *Joeckel S., Bowman N.D., Dogruel L.* The Influence of Adolescents' Moral Salience on Actions and Entertainment Experience in Interactive // *Journal of Children and Media*. 2013. Vol. 7. P. 480–506. doi: 10.1080/17482798.2013.781513
14. *Kohlberg L.* The philosophy of moral development: moral stages and the idea of justice (Essays on Moral Development. Vol. 1). Harper & Row, 1981. 441 p.
15. Mapping the moral domain / *J. Graham, B.A. Nosek, J. Haidt, R. Iyer, S. Koleva, P.H. Ditto* // *Journal of personality and social psychology*. 2011. Vol. 101(2). P. 366–385. doi: 10.1037/a0021847
16. Moral foundations theory: The pragmatic validity of moral pluralism / *J. Graham, J. Haidt, S. Koleva, M. Motyl, R. Iyer, S. Wojcik, P.H. Ditto* // *Advances in experimental social psychology*. 2013. Vol. 47. P. 55–130. doi: 10.1016/B978-0-12-407236-7.00002-4
17. Tracing the threads: How five moral concerns (especially Purity) help explain culture war attitudes / *S.P. Koleva, J. Graham, R. Iyer, P.H. Ditto, J. Haidt* // *Journal of Research in Personality*. 2012. Vol. 46 (2). P. 184–194. doi:10.1016/j.jrp.2012.01.006
18. *Turiel E.* The development of social knowledge: Morality and convention. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 252 p.

Features of Moral Foundations in Mongol, German and Russian Adolescents

O.A. Sychev*,

Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University, Biysk, Russia,
osn1@mail.ru

A.M. Bepalov**,

Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University, Biysk, Russia,
bam56@mail.ru

M.M. Prudnikova***,

Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University, Biysk, Russia,
mimosa.95@mail.ru

M.S. Vlasov****,

Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University, Biysk, Russia,
vlasov_mikhailo@mail.ru

The difference in moral foundations between adults living in Western or Eastern countries is well-known, but there is lack of evidence about such difference in adolescence. We tested the hypothesis about cultural differences of moral foundations in Mongolian, Russian and German adolescents. As the methodology of the study we used Moral Foundations Theory describing five basic dimensions of moral domain including Harm/Care, Fairness/Reciprocity, Ingroup/Loyalty, Authority/Respect, and Purity/Sanctity. The sample comprised 446 Mongolian, 450 Russian and 117 German adolescents at the age of 12...16 years old. We used three versions of Moral Foundations Questionnaire in different languages. The results of statistical analysis showed that general analysis, based on relations between scales, was acceptable. The replication of factor structure was low. It was revealed that Mongolian adolescents had most conservative moral foundations. Moral foundations of Russian adolescents from Altai Republic were quite close to Mongolian ones, while German adolescents showed much more «progressive» moral foundations which were typical for western societies.

Keywords: moral foundations, moral foundations questionnaire, ethnopsychological features, adolescents.

Acknowledgements

This paper was supported by the Russian Foundation for Humanities and Ministry of Education, Culture and Science of Mongolia (project № 13-23-03003 “Dynamics of evolutionary processes in culture, language and physiology of Mongolian and Russian ethnos at micropopulation level”). The authors express their gratitude to Bavuu Nyamdorj (Khovd State University, Mongolia) for his help in organization and realization of this study.

References

1. Vygotskii L.S. Istorija razvitiya vysshikh psikhicheskikh funktsii [Genesis of higher mental functions]. *Sobranie sochinenii v 6 t. T. 3. Problemy razvitiya psikhiki [Collected Works: in 6 vol. Vol.3. Problems of development of the mind]*. Moscow: Pedagogika, 1983, pp. 5–328.
2. de Vaal' F. Istoki morali: V poiskah chelovecheskogo u primatov [The Bonobo and the Atheist in Search of Humanism among the Primates]. Moscow: Al'pina non-fikshn, 2014. 376 p. (In Russ.).
3. Bepalov A.M., Nikitina I.V., Vlasov M.S., Prudnikova M.M., Odonchimeg T., Nyamdorj B. Youth Value Orientation: A Field Study in Western Mongolia. *Central*

For citation:

Sychev O.A., Bepalov A.M., Prudnikova M.M., Vlasov M.S. Features of Moral Foundations in Mongol, German and Russian Adolescents. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2016. Vol. 12, no. 1, pp. 85–96. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2016120109

* *Sychev Oleg Anatol'evich*, PhD in Psychology, associate professor, Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University, Biysk, Russia. E-mail: osn1@mail.ru

** *Bepalov Aleksandr Mikhailovich*, PhD in Philosophy, Vice Rector for Academic Affairs, Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University, Biysk, Russia. E-mail: bam56@mail.ru

*** *Prudnikova Marina Mikhaylovna*, Sociologist, Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University, Biysk, Russia. E-mail: mimosa.95@mail.ru

**** *Vlasov Mikhail Sergeevich*, PhD in Linguistics, associate professor, head of Research Department, Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University, Biysk, Russia. E-mail: vlasov_mikhailo@mail.ru

- Asian Journal of Basic and Applied Research*, 2014, no. 2, pp. 30–47.
4. Borg I., Groenen P.J., Mair P. Applied multidimensional scaling. Springer Science & Business Media, 2012. 122 p.
 5. Cohen J. Statistical Power Analysis for the Behavioral Sciences. New York: Lawrence Erlbaum Associates, 1988. 590 p.
 6. Schnall S., Haidt J., Clore G.L., Jordan A.H. Disgust as Embodied Moral Judgment. *Personality & social psychology bulletin*, 2008. Vol. 34, no. 8, pp. 1096–1109. doi:10.1177/0146167208317771.
 7. Eisenberg N. Emotion, regulation, and moral development. *Annual review of psychology*, 2000. Vol. 51, no. 1, pp. 665–697. doi: 10.1146/annurev.psych.51.1.665
 8. Gilligan C. In a different voice: Women's conceptions of self and of morality. *Harvard educational review*, 1977. Vol. 47, no. 4, pp. 481–517. doi: 10.17763/haer.47.4.g6167429416hg510
 9. Haidt J. The emotional dog and its rational tail: a social intuitionist approach to moral judgment. *Psychological review*, 2001. Vol. 108, no. 4, pp. 814–834. doi: 10.1037/0033-295X.108.4.814
 10. Hu L., Bentler P.M. Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives. *Structural equation modeling: a multidisciplinary journal*, 1999. Vol. 6, no.1, pp. 1–55. doi: 10.1080/10705519909540118
 11. Hutcherson C.A., Gross J.J. The moral emotions: A social–functionalist account of anger, disgust, and contempt. *Journal of personality and social psychology*, 2011. Vol. 100, no. 4, pp. 719–737. doi: 10.1037/a0022408
 12. Jaffee S., Hyde J.S. Gender differences in moral orientation: A meta-analysis. *Psychological Bulletin*, 2000. Vol. 126(5), pp. 703–726. doi: 10.1037/0033-2909.126.5.703
 13. Joeckel S., Bowman N.D., Dogruel L. The Influence of Adolescents' Moral Salience on Actions and Entertainment Experience in Interactive. *Journal of Children and Media*, 2013. Vol. 7, pp. 480–506. doi: 10.1080/17482798.2013.781513
 14. Kohlberg L. The philosophy of moral development: moral stages and the idea of justice. *Essays on Moral Development, Vol. 1*. Harper & Row, 1981. 441 p.
 15. Graham J., Nosek B.A., Haidt J., Iyer R., Koleva S., Ditto P.H. Mapping the moral domain. *Journal of personality and social psychology*, 2011. Vol. 101, no. 2, pp. 366–385. doi: 10.1037/a0021847
 16. Graham J., Haidt J., Koleva S., Motyl M., Iyer R., Wojcik S., Ditto P.H. Moral foundations theory: The pragmatic validity of moral pluralism. *Advances in experimental social psychology*, 2013. Vol. 47, pp. 55–130. doi: 10.1016/B978-0-12-407236-7.00002-4
 17. Koleva S.P., Graham J., Iyer R., Ditto P.H., Haidt J. Tracing the threads: How five moral concerns (especially Purity) help explain culture war attitudes. *Journal of Research in Personality*, 2012. Vol. 46, no. 2, pp. 184–194. doi:10.1016/j.jrp.2012.01.006
 18. Turiel E. The development of social knowledge: Morality and convention. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 252 p.